

Ян Цяо сейчас придумал такой повод, что все арестованные члены Академии Ханьлинь, независимо от того, были ли они наказаны или нет, сохранили свои титулы. Император, несомненно, отнесётся к этому делу снисходительно, и, как бы там ни было, он сможет получить звание мудрого правителя. Если при этом удастся снять запрет на труды Лу Юйляня, это не только исполнит давнюю мечту императорской семьи, но и окончательно закрепит за ним репутацию справедливого государя. Конечно, больше всех выиграют учёные Поднебесной.

Государь кивнул, подумав, что Ян Цяо действительно подающий надежды человек.

В этом деле о тайном хранении и реставрации трудов Лу Юйляня в Академии Ханьлинь Государь наказал лишь нескольких зачинщиков, остальных же, кто был постарше, милостиво отпустил на покой, а молодые вышли на свободу целыми и невредимыми, некоторые даже получили повышение. Цао Сюнь, находясь в тюрьме, простудился и через несколько дней после освобождения скончался. Князь У даже прислал соболезнования. Государь также снял запрет на труды Лу Юйляня, и, как только Академия Ханьлинь завершит их редактирование, они будут напечатаны и распространены.

Лю Сюнь, вернувшись домой из тюрьмы, направился не в дом герцога Чжэньго, а в новое поместье на улице Дунпайфан, где теперь проживал его отец, Лю Лян, занимавший должность младшего секретаря Приказа церемоний. Госпожа Цяо лично ждала его у ворот тюрьмы, сидя в карете и закрывая рот рукой, чтобы не расплакаться при виде сына. Лю Лян сам вышел встретить сына, сжал его плечи, и глаза его покраснели.

— Вышел, и хорошо, вышел, и хорошо.

Лю Сюнь сел в карету, и госпожа Цяо обняла его.

— Моё сокровище, ты чуть не свел меня с ума от горя.

— Мама, со мной ведь всё в порядке, — успокаивал он её, похлопывая по спине. — Поем несколько дней хорошей еды, и снова поправлюсь.

— Говорят, мы переехали в новый дом. Давай скорее вернёмся, мама. Красивый ли у меня двор? — Лю Сюнь покачал её, капризничая.

Госпожа Цяо погладила его по лицу.

— Теперь, когда ты вышел на свободу, тебе не нужно больше служить? Не служить тоже хорошо. Все эти чиновники — хитрые и коварные, не дай бог они тебя испортят.

Лю Сюнь не сказал, что, похоже, его должность даже повысилась — с пятого ранга в Академии Ханьлинь он поднялся сразу на два уровня. Он также не знал, на сколько уровней повысился Ян Цяо.

— Что? Ян Цяо стал младшим начальником Столичного градоначальника? — Переступив через жаровню, посыпав солью, вымывшись водой с листьями помело, съев белый тофу и свиные ножки, Лю Сюнь, наконец, смог спокойно справиться нужду в своём доме после долгих дней заключения. Теперь он, одетый в домашнюю одежду, удобно расположился на подушках, читая книгу и поедая сладости.

Дэдэр, вернувшись с прогулки, где он наслушался достаточно сплетен, сел на скамеечку у ног Лю Сюня, чистя гранат и болтая без умолку.

— Младший начальник Столичного градоначальника тоже пятого ранга. Я узнал, что на этот раз только вы и господин Ян получили повышение сразу на два уровня, остальные поднялись лишь на один или полтора. — Дэдэр сказал. — Многие ушли на покой, поэтому и освободилось столько мест.

— Разве можно сравнивать пятый ранг в Академии Ханьлинь и пятый ранг младшего начальника? — Лю Сюнь возмутился. — В Академии Ханьлинь либо поднимаются до высших чинов, либо отправляются на службу в провинцию, где становятся главами уездов. А младший начальник — это что? Мелкие и незначительные дела, вечные разборки, да и перспектив для повышения немного. Разве Государь не благоволит ему? Почему же он назначил его на такую должность?

Лю Сюнь не мог усидеть на месте.

— Одевай меня, я пойду к нему.

— Молодой господин, не двигайтесь. Няня сказала, что дедушка, услышав о вашем аресте, так расстроился, что решил приехать проведать вас. Судя по времени, он должен быть здесь сегодня или завтра. Не выходите пока из дома. — Дэдэр сказал. — Господин Ян никуда не денется, вы сможете встретиться с ним через несколько дней.

Говорят, что новый чиновник начинает с трёх важных дел, но новый младший секретарь Академии Ханьлинь уже двадцать дней как взял отпуск. Лю Сюнь, только что сидевший перед шахматной доской, вдруг откинулся назад, обнял подушку и закатился вглубь лежанки.

— Опять проиграл, больше не буду, больше не буду.

На другой стороне доски сидел шестидесятилетний старик с белой кожей и бородой, добродушный и улыбчивый. Он поглаживал бороду, глядя на капризничавшего внука.

— Если твоё мастерство в шахматах не улучшится, через пару лет Юнь сможет обыграть тебя с большим отрывом.

— Дедушка, когда вы учили меня играть в шахматы, вы говорили, что это нужно для воспитания духа, а не для победы. Раз победа не важна, то какая разница, кто выиграет, а кто проиграет. — Лю Сюнь сказал.

— Сюнь, ты прав, это я слишком увлёкся. — Цяо Чжижэнь медленно собирал фигуры. — Ты так долго не ходишь в управление, ничего страшного?

— Дедушка редко приезжает в столицу, я должен быть рядом с вами. В Академии Ханьлинь ничего важного не происходит, можно и не ходить. — Лю Сюнь сказал. Он не упомянул, что с приходом Цяо Чжижэня в столицу его заставили оставаться рядом: утром читать «Срединное и постоянное», днём изучать «Исторические записки», послеобеденное время проводить за чтением «Искусства войны», а перед сном переписывать отрывки из «Лунь Юя». В перерывах между чтением он играл в шахматы с дедушкой. Лю Сюнь, хотя и выглядел спокойным, на самом деле не мог долго сидеть на месте, и, проиграв две партии, начал капризничать.

— Сюнь, дедушка думает, может, тебе стоит занять какую-нибудь номинальную должность? — Цяо Чжижэнь сказал. — Я знаю, что тебе не нравится рано вставать на аудиенции, и редактирование книг и сборников цитат — не твоё увлечение. Зачем мучить себя? — Цяо Чжижэнь был очень рад, когда внук занял третье место на экзаменах, но тогда они ещё не отделились от семьи герцога Чжэньго, и он сдерживал свою радость, лишь отправив сына в

столицу поздравить племянника с успехом. Однако не прошло и полугода, как он узнал о заключении внука, и не смог усидеть дома, решив приехать лично.

Не то чтобы он был против, но его внук был слишком хорош для чиновничьих игр, где правила сложны, а интриг полно. Его милый и простодушный внук не подходил для этого.

Лю Сюнь положил голову на руки.

— Быть чиновником оказалось интереснее, чем я думал.

— Ну да, тюрьма — это весело, не каждый туда попадает. — Цяо Чжижэнь сказал. — Ты так похудел за время заключения, и, несмотря на все эти дни восстановления, толком не поправился. Твоя мама до сих пор плачет, вспоминая об этом. Сюнь, раньше ты не мог видеть её слёз.

Лю Сюнь сел на колени.

— На этот раз я действительно понял свою ошибку, больше такого не повторится.

— Дедушка боится, что тебя обманут. — Цяо Чжижэнь сказал. — Люди сложны, а ты слишком доверчив. Например, в этот раз, ты помог Ван Мину в его трудной ситуации, но почему бы не попросить его самого разобраться в том, что происходит в игорном доме? Зачем тебе было рисковать?

— В первый раз не было опыта. — Лю Сюнь попытался отшутиться, чтобы избежать нравоучений.

— А будет ли второй раз? — Цяо Чжижэнь возмутился. — Увидев мертвеца или преступление, ты не отходишь в сторону, а лезешь разбираться?

— Стремление к выгоде и избегание опасности — это естественно для человека. Сюнь, некоторые вещи нельзя трогать просто из любопытства. — Цяо Чжижэнь сказал.

— Я понял. — Лю Сюнь встал за спину дедушки и начал массировать его плечи. — В будущем я буду вести себя хорошо. Академия Ханьлинь — самое спокойное управление в мире, дедушка, чего тебе ещё беспокоиться?

Лю Сюнь старался угодить дедушке, и в конце концов Цяо Чжижэнь, видя, что не может отговорить его от службы, позволил ему продолжать. Однако, разговаривая с Лю Ляном, он сказал:

— Если Сюнь хочет сделать карьеру в чиновничестве, тебе нужно стараться ещё больше. Когда придёт время, надеяться на других, чтобы спасти его, не стоит. Лучше самому иметь влияние.

Лю Лян тяжело кивнул в знак согласия.

Лю Сюнь, наконец, вернулся в Академию Ханьлинь, где первый день провёл в общении с коллегами, а после работы устроил ужин в ресторане. Большинство из тех, кто попал в тюрьму, кроме ушедших на покой, получили повышение на один или полтора уровня. Не только Лю Сюнь, но и Ван Мин поднялся на пол уровня, что вызвало некоторое недовольство у Се Цзиня, оставшегося на прежней должности. Он несколько дней скрывался дома, стыдясь выходить, хотя все, кто был в курсе дела, знали, что произошло на самом деле. Однако, раз Государь уже вынес решение, кто мог сказать что-то против?

Ван Мин, пережив опасность, на время забыл о сдержанности и в письме домой выдал себя. Мать Ван Мина, овдовевшая и вырастившая сына в строгости, прочитав письмо, не могла уснуть всю ночь, а на следующий день приняла решение: продать землю, поручить заботу о старом доме родственникам и отправиться в столицу с невесткой и внуком.

Получив известие о приезде матери, Ван Мин сейчас испытывал смешанные чувства, и радости в них было мало.

Лю Сюнь поднял тост.

— Какая прекрасная возможность для семейного воссоединения. Когда твоя мать, жена и дети приедут, моя мама тоже сможет пригласить их к себе в гости. Ты вернёшься домой, где тебя ждёт тёплый очаг и уют. Разве это не прекрасно? Будь я на месте твоей матери и увидь, как ты реагируешь на мой приезд, я бы взяла метлу и отлупила тебя.

— Ты не знаешь, насколько страшна моя мать. — Ван Мин сказал с мрачным лицом.

— Как бы страшна она ни была, это твоя родная мать, разве она тебя съест? — Лю Сюнь сказал.

<http://bllate.org/book/16147/1446172>